

ГЛАВА 2

КРОВЬ ПОМНИТ ВСЁ

Тот, которому есть что скрывать, отвергает идеалы равенства и братства. Действуя втайне, он ставит себя выше сограждан. Такого человека мы вправе подозревать. Такого человека мы признаём виновным.

Из речи Жака Вилена, 1874

Либертэ перепродавала краденое. Вообще-то она обслуживала рекламные автоматы, и это предполагало ежедневные разъезды. На бульварах часто случались пробки; некоторые улицы, поврежденные во время Второй революции, были в плачевном состоянии. На покореженной мостовой паромобили повреждали колеса, а лошади — подковы.

Потому никто не удивлялся, что Либертэ заканчивала дела на час позже. Этого часа как раз хватало, чтобы заехать на улицу Дюларбен и найти нужный дом, оклеенный плакатами с рекламой микстуры. По шаткой лестнице Либертэ поднималась на четвертый

этаж, стучала в дверь. Открывала грузная хмурая женщина, за юбки которой цеплялось трое или четверо малышей. Вместо приветствия она неизменно ворчала в щель:

— Вам кого?

Ответ Либертэ тоже был неизменным:

— Мне заказали шестеренки для сломанного карманного театра.

Не меняя выражения, женщина открывала дверь шире, чтобы Либертэ могла протиснуться. Квартирка всегда была наполнена паром: на чугунной плитке кипел огромный котел. В темной комнате в глубине жилища сидел тот, кто нужен был Либертэ. Лицо его было мрачным, как тень. Либертэ знала только его имя — Паолино — и, честно говоря, не стремилась узнать больше.

Во-первых, торговля, которой она занималась, была незаконной. Во-вторых, человек этот совсем ей не нравился. Всякий раз, когда Либертэ появлялась в квартире, Паолино рассматривал в лупу какие-то предметы или что-то писал в своих бухгалтерских книгах. В тот день он разглядывал вазу из белого фарфора. На перекупщике был монокль с увеличительным стеклом, и казалось, что правый глаз его вдвое больше левого. Весьма неприятное зрелище!

— А вот и моя любимая воровка! — воскликнул Паолино.

Он оторвался от вазы и указал Либертэ на стул. Перекупщик был так же толст, как и его супруга. Глаза у него были хищные, косматые седые волосы сливались с густой бородой. Из этих белых джунглей торчал крючковатый нос. Больше всего Паолино походил на орла, который разучился летать и растолстел.

— Всё мародерствуем? И как идут дела? Особняки Лариспема еще делятся с вами сокровищами?

Либертэ пожала плечами. Ее собеседник всегда говорил с презрением. Не было сомнений: он терпеть ее не мог. Паолино показал вазу, которую всё еще держал в руках.

— Взгляни-ка. Ее мне принесла одна маленькая крыса, похожая на тебя. Такое держать дома нельзя.

Либертэ внимательно осмотрела вазу. Обычная фарфоровая штука, каких много. Разве что бороздки поперек корпуса были разной длины.

— Почему же нельзя? Обычная ваза.

Паолино ухмыльнулся.

— Ты просто невнимательно смотришь! Вы, молодые, все одинаковые. Приглядишься-ка, малышка. Научишься кое-чему!

Паолино завел люксоматон на два оборота, придвинул его к вазе — и на письменный стол упала тень. Либертэ даже икнула от удивления. На столе — как в театре теней — появилась картинка, хорошо знакомая всем в Лариспеме: профиль свергнутого короля Наполеона III*. Так вот что изображали причудливые бороздки! Паолино хмыкнул, довольный произведенным эффектом. Он отложил люксоматон — ваза вновь стала обыкновенной.

— А теперь покажи товар!

Либертэ с трудом заставила себя отвести взгляд от вазы и достала добытое во время последней вылазки. Тяжелая серебряная статуэтка, изображавшая двух всадниц, отрез шелковой ткани с вышитыми золотыми пчелами, кольцо и золотой крест, украденные в доме с тремя лунами. Паолино покачал головой.

— Недурно. Весьма недурно.

* Последний монарх Франции, свергнутый в результате революции 1870 года. После его низложения была провозглашена так называемая Третья республика.

Он взял статуэтку, поставил ее на ладонь — так осторожно, словно всадницы были из хрусталя. Осматривая крест, Паолино на мгновение замер. Через лупу он разглядел три луны, выгравированные на обратной стороне.

— А где, ты говоришь, вы это отыскиали? — спросил он нарочито равнодушным тоном.

Но Либертэ не растерялась. Она прекрасно видела, как привлёк внимание перекупщика герб. Девушка пожала плечами.

— Не знаю, — солгала она, чувствуя, что заливается краской.

Паолино бросил на нее быстрый взгляд. В это мгновение он особенно был похож на хищную птицу! У Либертэ по затылку пробежали мурашки, но она взяла себя в руки и постаралась не выдать волнение.

— Скажи мне только... кроме креста и ожерелья ничего больше не было?

В памяти Либертэ промелькнул смутный образ мужчины... О доме с тремя лунами она старалась не вспоминать. В тот вечер что-то случилось, но что именно, Либертэ не знала. Кармина заявила: просто сработал патрульный автомат, а никакого светловолосого незнакомца в помине не было.

Однако чуть позже Либертэ заметила, что один из ножей Кармины отсутствовал, а другой был в крови. Но как Либертэ ни старалась, эту тайну разгадать не могла.

— Нет, не думаю, — ответила она.

— А книги там не было?

Либертэ покачала головой и, стараясь не встречаться глазами с перекупщиком, сказала:

— Нет. Больше ничего. Всё вместе это будет стоить сто быков.

— Смеешься ты, что ли?! — воскликнул Паолино. — Шестьдесят! И радуйся, что я такой щедрый сегодня.

Либертэ облизала пересохшие губы. Ей не терпелось поскорее уйти. Тесная затхлая комната, толстяк Паолино, заполнивший всё, плач детей в гостиной — это чрезвычайно раздражало. Если бы только Кармина не нуждалась в деньгах, Либертэ уступила бы. Шестьдесят быков — это в два раза больше, чем зарабатывает плотник за целый месяц, а уж плотникам по нынешним временам жаловаться не на что.

— Коллекционеры, которым вы всё это продадите, дадут двести быков лишь за крест, — заявила Либертэ. — Девяносто быков, вот последняя цена.

Паолино придвинулся так близко, что Либертэ была вынуждена отступить.

— Я бы мог заставить тебя отдать мне всё задаром. Тебе повезло, что приносишь мне прибыль. Восемьдесят пять.

Либертэ сглотнула и едва заметно кивнула.

— Вот и славно.

Порывшись в ящике комода, Паолино достал шкатулку, открыл ее ключом, что висел у него на шее, отсчитал восемьдесят золотых быков и пять серебряных телят, передал их Либертэ. Та сочла за лучшее поскорее убраться.

— До встречи, красотка! — крикнул вслед Паолино.

В гостиной играли дети; девушка столкнулась с ними и чуть не упала. Со всех ног она сбежала по лестнице и поспешила прочь с улицы Дюларбен. На бульваре Луиз-Мишель остановилась передохнуть. Грязный воздух Лариспема показался ей упоительно свежим по сравнению с атмосферой покинутой квартиры. Либертэ

еще раз всё подсчитала. До суммы в пятьсот быков им с Карминой как будто не хватало именно восьмидесяти пяти. И теперь они у них есть! Ура! Они успели! Срок истекал через два дня. Либертэ облегченно улыбнулась. Настроение заметно улучшилось.

Девушка вскочила на велосипед, просмотрела свой путевой лист. В нем были обозначены автоматы, требующие ремонта. Четыре можно вычеркнуть. Два из них Либертэ уже починила, всё просто. С двумя другими чуть сложнее. Для починки нужны особые детали, этим Либертэ займется завтра. Оставался один автомат, последний в списке. Он находился на улице Груссе рядом с Лашез, самым большим кладбищем города. Либертэ вздрогнула. Это место совсем ей не нравилось.

Во время Второй революции на кладбище шли упорные бои. Тройка решила проявить уважение к усопшим и уберегла могилы от участи, постигшей частные особняки. Кладбище не уничтожили, а просто огородили. Теперь оно было заброшенным: никто за ним не присматривал. У ворот стоял большой памятник коммунарам*. По аллеям кладбища день и ночь ходили патрульные автоматы, готовые парализовать электричеством как злонамеренного мародера, так и бесстрашного студента, ищущего новых впечатлений.

Либертэ ехала по бульвару. Мимо шли матери семейств с малышами, с заводов и фабрик возвращались работницы. Вот ее обогнал новенький паромобиль с блестящим хромированным кузовом. Впереди сидели двое мужчин. Из выхлопной трубы вырвалось

* *Парижская коммуна* — революционное правительство Парижа в 1871 году, во главе которого стояли социалисты и анархисты. Находилось у власти с 18 марта по 28 мая (этот период также называют Парижской коммуной), затем восстание было подавлено; тысячи сторонников коммуны погибли в уличных боях или были расстреляны.

густое облако пара с запахом моторного масла. Машина мчалась вперед на всей скорости и вскоре повернула на соседнюю улицу.

Густой дым вновь пробудил смутное воспоминание о доме с тремя лунами и светловолосом человеке. Девушка вздохнула. Что за шутки проделывает с ней память?

Вот наконец и ворота кладбища. Либертэ обогнула северную стену, на которой еще виднелись следы картечи, остановилась у рекламного автомата. Это был женский бюст. Ему полагалось вращаться и громко расхваливать магазины белья «Колетт». Но сейчас манекен не двигался, его голова была опущена, руки поникли. Либертэ прислонила велосипед к стене кладбища, стараясь не думать о могилах с другой стороны. Она обошла голосомат, присела на корточки, открыла табло управления ключом, что висел у нее на шее.

— Да тут просто проводок отошел, — с досадой сказала она, подключая контакты.

Автомат с легким скрипом выпрямился. Либертэ закрыла дверцу.

— Посмотрим, что у нас получилось...

Автомат принял обычную позу и кокетливо протянул руку к жестяным волосам. Либертэ улыбнулась. Голосомат широко открыл рот и пронзительно закричал:

— КРОВЬ ПОМНИТ ВСЁ!

— Что? — пробормотала Либертэ, перестав улыбаться.

— КРОВЬ ПОМНИТ ВСЁ! КРОВЬ ПОМНИТ ВСЁ!

Прохожие начали оборачиваться. Побледнев, мастерица ринулась к табло управления и немедленно выдернула провод, который только что подключила.

Автомат вновь умолк и обвис.

— Что он сейчас сказал? — спросил у нее мужчина в рабочей блузе.

С покрасневшим лицом и растрепанными волосами Либертэ поднялась с колен.

— Ох... не знаю. По-моему, «скидка двадцать процентов по пятницам на всё».

Приходилось выкручиваться на ходу.

— Разве нет?

Мужчина покачал головой. Вид у него был крайне испуганный. И смотрел он на автомат так, как если бы у него на глазах сбывался самый дурной сон.

— Нет, — ответил он. — Я хорошо расслышал. Совсем не это.

— Кто-то изготовил новый цилиндр и поместил его внутрь. Как только ты подключила карту, головка считала содержание. Вот и всё.

Гийом Клеман, патрон Либертэ, рассматривал в лупу цилиндр с тонкими бороздками. На нем не было никакого знака — ни подписи, ни рисунка. Гийом поместил его в фонограф и нажал на кнопку. Пронзительный голос вновь стал выкрикивать злое слово.

— Но кто мог такое сделать, патрон? И что это значит — «кровь помнит всё»?

Гийом выключил фонограф, снял очки и протер глаза. День оказался утомительным, а он так и не смог сделать всё, что наметил. На столе ждала груда писем, доставленных пневматической почтой. Он рассеянно посмотрел на них и в который раз подумал, как нужен ему секретарь.

— Ты слышала о Кровавых братьях, не так ли?

Либертэ сглотнула. Если в деле замешаны Кровавые братья, то ей крупно повезло. Цилиндр мог взорваться у нее в руках, а не просто нести какую-то околесицу.

— Так это они? Но что за история с кровью?

Гийома будто удивил ее вопрос.

— Так ты не знаешь?.. Хотя... тебе ведь пятнадцать. Я иногда забываю, что молодежь не застала Второй революции. Для вас это просто строчки в учебниках. Ты что-нибудь слышала о Луи д'Омбревиле?

Конечно, Либертэ слышала. Этот человек был известен не хуже Наполеона III, и девушке не раз приходилось видеть пьесы про д'Омбревиля в автоматическом театре.

— Глава аристократов во время Второй революции, — без запинки ответила Либертэ. — Проводил черные мессы в подвалах своего особняка и был уверен, что дьявол дал ему особую власть. С кучкой сообщников восстал против Быка, отказавшись эмигрировать из Лариспема. Убил Жака Вилена во время переговоров. Убийство вызвало бунт, и большинство аристократов были убиты.

— Ну да, так всё примерно и случилось, — подтвердил Клеман. — В 1871 году мне было двадцать, тогда Лариспем еще назывался Парижем, а Коммуну еще никто не думал считать Второй революцией.

Либертэ вытаращила глаза. Ее начальник, близорукий немолодой человек, внезапно предстал в новом свете.

— Неужели ты сражался на баррикадах? — спросила она.

Гийом Клеман рассеянно крутил в руках нож для бумаги, сделанный из слоновой кости. Казалось, мыслями он унесся в далекое прошлое. Внезапно уголки его усов поднялись: он улыбнулся.

— Да, в студенческом отряде. Чего только не пришлось пережить! Победы пруссаков, свержение Наполеона III, Правительство национальной обороны — эти буржуи в жилетах были ничем не лучше императора. Потом — осада Парижа, голод. Помню, мне приходилось есть крысиное мясо. Представляешь? Потом объявили перемирие, это было так унижительно! Нас предали! После череды провокаций мы взбунтовались! Я побывал на нескольких баррикадах: на бульваре Пуэбла, на улице Сен-Мор. Это были просто кучи мусора из булыжников, стальных прутьев и бочек. Версальцы* засели на холмах и палили по нам изо всех сил. Сопротивлялись мы недолго. Тюильри и мэрия полыхали. Стояла ночь, но небо было кроваво-красным. Наши волосы и одежда пропитались дымом. Если бы Тройка не решила лезть в катакомбы, чтобы застать версальцев врасплох, не знаю, что было бы. Нам удалось превратить бойню в партизанскую войну, иначе бы всех порешили, Париж остался бы Парижем, аристократы и буржуи продолжали бы нас угнетать. Но я увлекся... Мы ведь говорили о Луи д'Омбревиле?

Либертэ, замороженная рассказом, кивнула. Гийом поднялся с кресла и начал массировать затекшую поясницу.

— Сторонники д'Омбревиля называли себя Кровавыми братьями — намекали на свою аристократическую «голубую кровь». «Кровь помнит всё» — такой у них был девиз. В 1875 году

* Временное *Правительство национальной обороны* было сформировано во время Франко-прусской войны (1870–1871), после поражения французской армии в битве под Седаном и свержения императора Наполеона III. *Осада Парижа* прусскими войсками (сентябрь 1870 — январь 1871) — крупнейшая операция Франко-прусской войны, способствовавшая обострению политической ситуации. *Версальцами* называли членов и сторонников правительства и верные ему вооруженные силы, которые после революционных событий в Париже в 1871 году и прихода к власти Парижской коммуны пребывали в городе Версале близ французской столицы.

д'Омбревиль убил Жака Вилена при известных тебе обстоятельствах. Хотя подробностей до сих пор никто не знает и точно известно лишь, что д'Омбревиль после этого сам отправился в мир иной. Его убил один из гвардейцев. Говорят, перед смертью он произнес проклятие: якобы предсказал, что рано или поздно Лариспем поплатится, что пролил его кровь. Народ отомстил за Жака Вилена, с друзьями д'Омбревиля расправились. Но нет сомнений, что некоторым удалось выжить, и они точно в городе. Прячутся, продолжают плести заговоры. Вспомни аварию на железной дороге в прошлом году, пожар на консервном заводе... Расследование показало, что их кто-то устроил намеренно.

Гийом вздохнул, взял чистый лист бумаги, где была напечатана эмблема его фирмы.

— Надо сообщить о происшествии. Отправлю письмо пневматической почтой. Если Кровавые братья примутся за наши голосоматы, будут серьезные неприятности.

Клеман написал короткое письмо, засунул в капсулу вместе с цилиндром, который нашла Либертэ. Указал адрес, наклеил марку и положил послание в пневматическую машину, которая проглотила его с тихим шипением. Под воздействием сжатого воздуха капсула за несколько минут долетит до распределительного центра, и ее направят в штаб безопасности.

— Вот так...

— Что же нам делать? — прошептала Либертэ.

— Ждать. Верить Быку.

Патрон покачал головой. Не похоже было, чтобы он сам себе верил. Он устало махнул рукой и показал Либертэ на дверь.

Девушка оставила форму в гардеробе, переоделась в обычное платье и поехала в пансион юных тружеников. Либертэ совсем

там не нравилось. Да, конечно, здесь кормили горячим завтраком и ужином, спальные комнаты отапливались. Либертэ прекрасно знала, как завидуют ей тысячи подростков, которые ежедневно теряли работу и оказывались на улице. И всё же ей никак не удавалось привыкнуть к пансиону.

Либертэ не смогла подружиться с другими девушками: бойкие, шустрые, они говорили только о мальчиках. Кто красивее? Брюнеты или блондины? Кто лучше танцует? Девчонки часто ходили в бары на площадь Пигаль, флиртовали там с подмастерьями лясникамов, всегда одетыми по последней моде, гордо носящими на поясе три ножа. Над Либертэ посмеивались: она читала книги, совсем не умела танцевать и никак не могла похудеть. Но слишком задирать не решались: все знали, что Либертэ дружит с лясникамой и, значит, толстушка под защитой.

Либертэ открыла калитку и пошла по аллее, ведущей к обширному зданию. Прошла мимо ложи консьержа, который едва кивнул ей, и, тяжело ступая, начала подниматься.

Либертэ нравилось ее ремесло, но рабочие дни были уж очень длинными. Приходилось трудиться с шести утра до шести вечера, и возвращалась она совсем разбитой. В тот день, прежде чем лечь, она всё же дошла до секретариата — забрать почту.

Войдя в кабинет, Либертэ едва сдержала недовольство. Секретарша, дежурившая сегодня за стойкой, была отъявленной сплетницей и часто надоедала пансионерам своей болтовней.

— Что тебе?

К большому сожалению Либертэ, секретарша отложила журнал, который читала, и поправила очки, чтобы лучше рассмотреть посетительницу.

— Здравствуй, гражданка! Хотела узнать, нет ли для меня писем. Моя фамилия Шардон.

— Я как раз читала последние новости, — сообщила секретарша, вставая. — Правительство хочет торжественно отметить начало нового века. А еще в Лионе один инженер построил железную башню для Всемирной выставки*. Страх что такое! Слава Быку, у нас тут не позволяют всяким ненормальным делать что в голову взбредет.

— А что будет в Лариспеме? — любопытствовала девушка.

Ее интерес обрадовал секретаршу. Она постучала накрашенным ногтем по заметке на второй странице «Маленького лариспемца».

— У нас будет самый большой дирижабль в мире, «Дух Коммуны». Двести метров в длину, можешь представить? Бык проведет конкурс, победители полетят на дирижабле из Лариспема в Лион в компании самой управительницы. Как, ты сказала, твоя фамилия? Розье?

— Нет, Шардон**!

— Да, есть для тебя письмо.

Секретарша вручила ей конверт и вновь погрузилась в чтение. Девушка прижала письмо к груди, поблагодарила и пошла в спальню.

В большой уютной комнате стояли двухэтажные кровати. Кроме Либертэ здесь разместились еще сто девочек-подростков. Они учились у портных, слесарей, часовщиков и мастеров

* Международная выставка технических достижений, проводится несколько раз в десятилетие начиная с 1851 года в разных городах и странах. Для Всемирной выставки 1889 года, в действительности проходившей в Париже, была возведена Эйфелева башня, о которой и идет речь.

** Розье (*фр. rosier*) — шиповник. Шардон (*фр. chardon*) — чертополох.

по изготовлению париков. Почти все приехали, надеясь обрести в бывшей столице лучшую жизнь. Девушка, что спала прямо над Либертэ, пока не пришла, и мастерица могла еще несколько минут побыть в одиночестве.

Она удобно устроилась на кровати, открыла ключом шкатулку, где хранились ее самые ценные вещи: семейная фотография, немного денег, механический кролик, письма матери и, наконец, книга, которую она украла в доме с тремя лунами. Либертэ удостоверилась, что никто не подглядывает, и достала ее из шкатулки.

«А книги там не было?» — спросил ее Паолино. Либертэ была почти уверена, что именно о найденной книге Паолино и говорил. В сущности, это была даже не книга, а блокнот в жесткой кожаной обложке.

Толстые страницы были покрыты изящным почерком. Вначале шли научные заметки, снабженные схемами и знаками. Язык был крайне запутанным, встречались сложные химические формулы. Затем почерк менялся, как если бы блокнот принадлежал разным людям. Вторая часть была практически нечитаема. Либертэ открыла наугад. Страница сплошь покрыта неразборчивыми письменами: ни слова нельзя понять. И дальше то же самое: бессмысленный набор букв. Различить можно было только даты и цифры. Книга из дома с тремя лунами оказалась зашифрована, и подобрать к ней ключ было непросто.

— Всё равно пойму, что здесь написано! — прошептала Либертэ, захлопнула книгу и положила обратно.

Она немного помедлила, прежде чем открыть письмо. Послания матери всегда оставляли смешанные чувства. С одной стороны, было интересно, как дела у близких, с другой — при чтении часто охватывала досада. Вздохнув, Либертэ распечатала конверт.

Дорогая Либертэ, получили твое письмо. Аделаида и Артур всякий раз радуются, когда почтальон приносит твои письма. Хвала Господу, ты пишешь, что у тебя всё в порядке. Ты долго не отвечала на мое последнее письмо; признаюсь, я очень беспокоилась. Мы рады узнать, что на работе дела идут хорошо. Много ли голосоматов в Лариспеме? Мы по старинке узнаем новости от глашатая и из газеты «Нувель Франс». Про новые изобретения там почти ничего, многое узнаем лишь из твоих писем.

Как твое здоровье? Мы слышали, что ядовитые пары смога плохо влияют на самочувствие молодых людей. Не случилось ли с тобой чего-нибудь необычного в последнее время? Здесь мы часто слышим о патологиях, приступах безумия и кровотечениях, которые невозможно остановить. Признаюсь, всё это меня очень тревожит, и очень бы успокоило, если бы ты сходила на прием к доктору Делилю. Просто на всякий случай. Это один из моих старых друзей, и он не возьмет с тебя платы. Вот его адрес: улица Прогресса, дом 68. Не забудь сообщить мне о результатах осмотра.

Береги себя, доченька, старайся не попадать под прямые лучи солнца, когда выходишь из дома в жару.

Любящая тебя мама

Далее следовали подписи близнецов, выведенные аккуратным детским почерком, и каракули отца, которыми он обычно визирует документы. Вместе с письмом в конверте лежала купюра в пятьдесят франков. Надо будет отнести ее в банк и обменять на валюту Лариспема.

Либертэ вытянулась на кровати, сложила руки под головой. Мама часто тревожилась по пустякам, но слова о парах смога вызвали

у Либертэ беспокойство. Она вздрогнула и вновь подумала о светловолосом человеке. А что, если это была галлюцинация? А вдруг это первая фаза тех «странных патологий», о которых пишет мама? Возможно, ей и в самом деле стоит наведаться к доктору Делилю. Мастерица охнула. Ну вот, опять испортилось настроение.

Либертэ уже полгода как жила одна, но всё еще задавалась вопросом: а что бы сказала мама, увидев это? Навряд ли одобрила бы ее ночные вылазки в компании с самой подозрительной личностью города. Девочка-мясник, да еще чернокожая. В день, когда Кармина заставила ее примерить брюки, Либертэ поняла, что заработала себе место в аду.

Девушка сложила письмо и отправила его под подушку. Затем открыла второй том трактата «Двадцать трудностей, которые могут возникнуть при починке часов, описанные тем, кто обожает часовое дело» и с удовольствием погрузилась в описание механизмов. «Поэзия терминов и точность схем — лучший способ развеяться», — подумала Либертэ, улыбнувшись.